

Кирилл Ликов

Интервью

вертепские истории

18+

Кирилл Ликов

Интервью

Серия «Вертепские истории», книга 6

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70207342

SelfPub; 2023

Аннотация

Наоборот, он живо представил себе другую картину. Его бьют, он терпит, но как только эти уроды подходят к Люде, ещё живой и непорочной Люде, его Люде, он превращается в оборотня, и рвет всех их на мелкие куски с остервенением и упоением. «Вертепские истории» – это цикл философских сказок для взрослых, где фантазия переплетается с реальностью, а магия – с повседневностью. Рассказы цикла повествуют о жизни города Вертепск и его обитателях. За внешней фантастикой скрывается подтекст, а магия и чудеса становятся метафорой наших страхов, надежд и повседневных реалий.

Кирилл Ликов

Интервью

За окошком начинался вечер. Солнце ещё висело на небосводе, но уже клонилось на покой. На улице начались сумерки. Это такое время, когда ещё не темно, но из-за огромных теней плохо видно. У Саши была куриная слепота, и он очень не любил сумерки, так как в тёмное время суток видел лучше. Интервью было назначено на половину двенадцатого ночи и это радовало журналиста. Вот только объект интервью слегка напрягал, но Александр Пиводелов сам искал этого материала. Он работал в газете "Вертепский вестник" и печатал материалы в разделе "происшествия". И был хорошим журналистом, его раздел люди читали с удовольствием. Но вот достиг он в этой профессии почти потолка и уперся. Что делать? Другой бы радовался наоборот, но Александр был не таков. Ему было мало. Тем более в таком городе, как Вертепск.

Тут происходит многое, что людям знать не положено. Вертепск город старый, со своими причудами. Говорят, тут водятся настоящие вампиры, не энергетические и эмоциональные, а именно обычные, которые из людей кровь пьют. Иногда люди видят призраков и привидений, а иногда и вставших на праздники покойников. Один товарищ рассказывал, что на праздник Самайн, к нему заявился любимый

дедушка, умерший прошлой весной. И ничего, посидел, чаю попил, и ушёл, но прежде открыл место, где он в молодости мешок денег закопал. Одна обида была, что эти старые деньги уже вышли из обихода, а антикварной ценностью ещё не обзавелись из-за их большого объема на рынке. Ну, ничего, мужчина умел ждать и надеялся, что если не он, то хоть внуки его смогут продать это богатство по приемлемой цене. Говорили также, больше половины из гадалок в Вертепске были кассандрами. А в публичных домах в разделе элита числились суккубы и инкубы. Но все это были только слухи. В каком другом городе такие слухи породили бы всплеск паники, но только не в Вертепске. Тут встретить приведение ночью было вполне обыденным действием. Но вот репортажей по этой теме никто не делал. Как-то было в Вертепске заведено издавна, людям – людские, нелюдям – свое.

Александр долго пытался найти людей, готовых за небольшое вознаграждение свести его с потусторонними силами, но всегда эти попытки оканчивались или впустую или обманом. И тут вчера звонит телефон и давний знакомый, говорит, что может свести его, Александра Пиводелова, для интервью с оборотнем. Саша не мог от этого отказаться и естественно принял предложение. Оставалось только дожидаться нужного часа и прийти в условленное место.

Часы на руке завибрировали противной музыкой, поставленной на будильник. Музыка как раз была очень противная, чтоб будила стопроцентно. Под какую бы мелодию может и

полежал в постели ещё пару минуточек, но не под эту. А чтоб не ложиться после этого досыпать, Александр клал часы на столик, подальше от кровати.

Нужное время настало, и надо было уезжать. Пиводелов встал, накинул пальто, все же лето закончилось месяц назад, осмотрел пустой офис и, выходя, погасил свет. Дальше он заказал такси в приложении и успел даже покурить до его приезда. Это интервью ему организовал знакомый помешанный на оборотнях. Он очень хотел стать оборотнем и искал пути. Так и не нашёл, но знакомства некоторые завел. Такси его доставило в отдалённый район Вертепска, где жили обычные рабочие малобюджетных предприятий. Тут еще оставались довоенные трёхэтажные дома, а местами и деревянные бараки. Вот на заднем дворе одного такого бараков ему и была назначена встреча.

Александр вылез из такси и пот уже застегнул молнию. На дворе стояло начало ноября, тёплое, но ноября же. Снег выпадал на неделю в октябре и растаял, потом были плюсовые температуры и вот теперь в начале ноября погода начала портиться. Ветра стали холодными, промозглыми, но снега ещё не было. Сейчас дул промозглый северный ветер, продувая Александра. Нужный ему дом стоял за забором. Почерневший со временем деревянный двухэтажный барак во тьме полуночи походил на чёрную скалу посреди моря, окружённую таким же чёрным заградительным периметром. В этом самом периметре зима щель между приоткрытой две-

рю и всем остальным, в которую пробивался свет внутреннего мутного фонаря. Журналист приоткрыл калитку и вошёл внутрь двора. Дом казался нежилым. На первом этаже окна были заколочены досками, на втором ставни отсутствовали от слова "совсем". Никакого отсвета внутри видно не было. Но вот фонарь, хоть и мутный, но освещал двор. Тут были столбы с привязанными между ними верёвками, для развешивания белья, что-то напоминавшее детскую песочницу и самое главное качели. Ветер раскачивал подвесные качельки на тонких металлических тросиках. И они чуть поскрипывали, качаясь немного из стороны в сторону. Создавалось впечатление, будто с них только что встали.

– Вы искали со мной встречи? – из подъезда вышел молодой седой человек.

Александр обернулся. Перед ним стоял обычный парень, каких из сотни сто один. Среднего роста, спортивного телосложения, но не закаченный. Такое тело скорее подошло бы для легкоатлета. На вид ему было лет тридцать, но портили вид седые волосы. Хотя в толпе, при быстром взгляде, Саша бы не обратил на это ни какого внимания. Вдруг парень насмотрелся какого-то сериала и подражает главному герою, или главному же, но антагониста? В наше свободное время все может быть. Глаза тоже не выдавали своего обладателя. Александр надеялся там увидеть агрессию, жестокость, жажду крови, но увидел пустоту. Точку и пустоту. Одет парень был скромно, без вызова. Обычная межсезонья

куртка и джинсы.

– Да, – кивнул журналист, – если вы тот, с кем меня обещали свести.

– Перевертыш?

– Как-как?

– Вы используете слово оборотень, – пояснил пришедший, – мы нет, перевертыши, так нам больше нравится.

Они стояли друг напротив друга, в пустом дворе заброшенного барака под мерно качающимся светом уличного тусклой фонаря. Небо было покрыто густыми облаками и не одной звездочки видно не было, и даже луны.

– Хорошо, – кивнул Александр, – перевертыш, так перевертыш.

– Мне сказали вы журналист и хотите взять интервью у настоящего перевертыша?

– Вам правильно сказали.

– Хорошо, – кивнул парень и глаза его на мгновение стали живыми, но только на мгновение, чтоб потом стать опять безжизненными колодцами беспросветной тьмы, – что вы хотели узнать?

– Давайте начнем с имени?

– Юрий Савельев, – не моргнув и глазом выдал оборотень.

– Вы не боитесь называть себя настоящим именем? – удивился журналист.

– Этот человек уже мёртв для всех, я живу под другим именем, – пояснил Юрий.

– Расскажите Юра, вы сами решили стать оборотнем или вас заставили? Покусали?

– Сам.

– Очень интересно, – обрадовался Александр, – а что послужило толчком к этому? Отправной, так сказать точкой?

– Жизнь, – ответы Савельева не жаловали журналиста разнообразием и витиеватостью.

– Ну, это понятно, что именно привело вас к этому решению? Желание силы, власти или что-то другое, более сокровенное?

– Желание найти правду и справедливость подходит?

– Вот как? А можно по подробнее.

– Можно и поподробнее.

Юрий Савельев родился в интеллигентной семье младших научных сотрудников местного НИИ. Он ничем не выделялся на фоне своих сверстников, как в младенчестве, так и в детском саду. Вот только в школе стал белой вороной. Так получилось, что у родителей родилась девочка, его младшая сестра и однокомнатную квартиру в районе, где селились все работники института, пришлось поменять с доплатой на двушку, но совершенно в другом районе. Родителям стало лишь немного дольше добираться до работы, ходил прямой автобус от нового дома до НИИ. А вот у маленького Юры жизнь перевернулась кардинально. Район оказался рабочим, и дети тут были такими же. Если в прошлом они все во дворе были примерно одинаковыми, то сейчас парня

окружали сверстники совсем с другим воспитанием, мировоззрением и ценностями. И на фоне их он явно выделялся. А дети не любят тех, кто не такой как они. И если в младшей школе все останавливалось на уровне кличек "интеллигент" и "ботан", то в средней школе жизнь белой вороны ухудшилась. Это сейчас знают такое слово, как буллинг, раньше это просто называлось травлей. Травили Юру систематически. Мало того, что он учился на одни пятерки, а по-другому в его семье было нельзя, так вместо качалки и бокса, так популярных у современных подростков, он ходил в музыкальную школу. И вот представьте, идет такой прилизанный мальчик, в чистеньком не дорогом пальто, натертых гуталином ботиночках, ворот рубашки белой с галстуком виден, в руке папка для нот... А до музыкальной школы надо было пройти два квартала. Обычно проехать на автобусе, но на установке могли тусить местные, и тогда приходилось бежать. Быстро бежать, а если спотыкнешься или тебя догонят, домой придешь во всем грязном и с синяками. Объясняй тогда родителям, что упал. Хорошо не на скрипке играл, и носить её не надо было. Испорченные ноты можно купить на сэкономленные на обедах деньги, а вот скрипку, домбру, гитару или аккордеон не купишь. Один знакомый из музыкалки рассказывал, что если его ловят, то он накрывает собой футляр с аккордеоном. Синяки заживут, переломы срастутся, а вот на другой инструмент денег у его родителей уже не будет. Юра думал, что когда он будет учиться в старшей школе, от него

отстанут. Но нет. К этому времени в Империи стукнул кризис и те, кто третировал Юру в детстве, в его юности стали бандитами и решили уже обдирать всех в районе. А молодой пианист стал для них любимым мальчиком для битья. Когда же его заметили в музыкальном плане и стали приглашать на концерты в другие города и даже в столицу, криминал решил поставить его на деньги. Им было все равно, что ему не платят, ибо он юное дарование, да и всю дорогу и жильё с проживанием его родители оплачивают во время концерта. Ездишь? Играешь? Значит платят. А если платят – плати. Но платить было нечем. И его избивали, думая, что он не хочет платить. Во время одного такого избияния, ему переломали пальцы.

– Не хочешь платить, то и играть не будешь!

Переломы очень долго срастались, а потом еще очень долго восстанавливалась работоспособность. Но даже когда все восстановилось, опять так же играть он не смог. Хуже, не намного, но для профессионалов заметно. Его перестали брать на концерты. В консерваторию он не поступил, руки не дали. А так, как в другие институты он и не планировал, то пришлось идти в армию. Очень странно, но ему, музыканту здоровья на армию хватило, а вот все пацаны, кто его бил и третировал, на комиссии оказались язвенниками и бронхитами.

Армия, это слово без содрогания Юрий вспоминать не мог. Кризис в Империи свёл того славного солдата из кино

на нет, заменив его на ожесточённое быдло. А так как разрешили служить и отсидевшим срок, в армии махровые цветом расцвела в те времена дедовщина. Но самое страшное, что в его призове новобранцев было всего трое. Он и ещё два парня. А дедов двенадцать. Первые полгода он почти не спал, пришивая подшивы четверым, а то и шестерым девушкам, а ещё гладил их форму. А по выходным пьяные деды просто их избивали, говоря, что воспитывают так в них стойкость. Когда пришли новые духи, а он стал так называемым слоном, его чуть подразгрузили, и из обязанностей оставили только заправку дедушкиных кроватей. Но били все равно периодически за любую провинность. Сначала он хотел дожить до звания деда и так же измываться над молодежью, но когда же Юрий стал сам дедушкой, он уже ничего не хотел, кроме как, чтоб его оставили в покое.

И вот он, отслуживший, за плечами только школа, дембельнулся из армии и хочет строить свою дальнейшую жизнь. Куда идти то? Единственное что ему светило – учитель музыки. И он устроился педагогом. Сначала он даже загорелся идеей: воспитать детей не так, как воспитывали его поколение. Он взялся за это с резвостью, но быстро понял, что кроме него это никому не нужно. В школе правили не любовь к детям и желание их воспитать, а отчетность, статистика и подсчет часов. С учётом оплаты за часы, учителя за них бились как волки за ягнёнка, чтоб хоть как-то увеличить свою по тем временам скудную зарплату. В те времена до-

ход учителя чуть немного отличал его от нищего попрошайки, причем не в лучшую сторону. На такую зарплату почти не возможно было прожить, и Юра подрабатывал на похоронах, свадьбах и репетитором. Жизнь тянулась серо и скучно. Шанс найти девушку с такой зарплатой равнялся почти нулю. В те времена, кризиса Империи, все мальчишки хотели стать рэкетирами, а девочки выйти замуж за олигарха. Мерилом успеха были исключительно деньги. А он не мог ни чего предложить своей гипотетической избраннице.

Но ему повезло и небеса сжалились над ним. Они послали ему симпатичную молодую девушку, обожающую классическую музыку и желающую научиться играть на пианино. У Люды не было родителей, она выросла в детдоме, а там, на пианино играть не учили. И вот выросши, получив первую зарплату, девушка решила исполнить свою мечту. А самым недорогим репетитором оказался Юрий. Так они и познакомились. А потом оказалось, что у них много общих интересов. Но самым приятным для Юрия была совершенная незаинтересованность Люды в деньгах. Она выросла в детдоме и не видела хорошей жизни, поэтому бедность воспринимала нормально, как что-то само собой разумеющееся. Если есть свой уголок, даже в коммунальной квартире с соседями, для девушки уже было хорошо. А если конфеты даже дешевые можно есть каждый день, то и отлично. Они жили, душа в душу, и наслаждались своей любовью и классической музыкой. Но это длилось не долго. Как-то Юра с Лидой возвращались

из консерватории с одного из концертов. Это кушать можно самые дешёвые товары, если хочешь накопить на билет, а в театр, а тем более в консерваторию, нужно идти в приличном одеянии. И вот на двух хорошо одетых людей в тесном парке вышла гурьба молодых пьяных гопников. И, конечно же, попросили поделиться сначала сигаретами, а когда узнали, что Юрий не курящий, то и деньгами. И Юрий отдал все, что у него было, но этого парням оказалось мало.

– Ты че нам эту мелочь впариваешь? На театр, значит, нашлось, а парням на курево нет? – возмутился вожак.

Его повалили, били, не останавливаясь полчаса, пока не поняли, что он без сознания. Её же изнасиловали всей толпой. Дело завели, но никого не нашли. А через две недели, выйдя из больницы, Люда повесилась. Юра, вылечившись, уволился с работы и пошел устраиваться в полицию. Он собирался призвать всех к ответу, но по закону. Но проработав в милиции года два, он понял, что это бессмысленно. Палочка система, доставшаяся полицейским ещё с докризисной Империи, требовала от блюстителей порядка результатов, а не справедливости. Требовала закрыть дело быстрее, а не выяснять действительно виновного. Он не смог там работать. И вот одной из тёмных ночей, он вышел на мост, прижимая к груди фотографию Люды. Он стоял на краю и смотрел вниз.

– А может не стоит? – раздался голос за спиной.

Юрий развернулся, чуть не упав вниз, но крепкая рука

незнакомца схватила его за плечо и рванула назад. Перед ним стоял широкоплечий блондин. Его, наверное, можно было бы считать красивым, если поперек лица не зиял бы глубокий шрам и такой же не красовался поперёк шеи.

– Смерть ничего не решит.

– Почему? – только и смог спросить Юрий.

– А что может смерть? Показать лишь бессилие перед ситуацией? Отсутствие возможности переменить жизнь к лучшему? Показать свою ничтожность? Чего вы добьетесь своей смертью? Неужели вы думаете, что те люди, которые делали в жизни столько плохого, услышав про вашу смерть, одумаются и исправятся?

– А что же тогда мне делать? – непонимающе, спросил Юрий.

– Делать этот мир лучше самому, исправлять подонков своими силами.

– Но что я могу? Я школьный учитель музыки... Я слабо для этого.

– Станьте сильнее, – получил он резонный ответ.

– Но как?

– А вы уже не хотите умирать и хотите мстить? – поинтересовался незнакомец.

Он был прав. Чертовски прав. Этот странный человек с двумя шрамами. Ну, умрет он, прыгнув с этого моста и что изменится? Те подонки, которые насильовали Люду вряд ли даже помнят про его существование. Если даже заметят над-

пись в газете с его фамилией и именем то, скорее всего и не свяжут это с тем инцидентом, а тем более со своей совестью. Юрий вспомнил рассказы какого-то классика, где крестьяне вешались на пути у своего барина, чтоб увидев их трупы, ему стало стыдно за свои прегрешения. И что? Баре прямо становились социалистами сразу? Дудки, все так же шло, как и прежде. Смерть ничего не изменит. Но откуда набраться силы, чтоб исправить этот мир и очистить его от таких подонков, как те, что всю жизнь мешали Юре жить достойно?

– А разве можно стать сильным быстро?

– Бывают способы, – кивнул незнакомец, – но учтите, и не говорите потом, что я вас не предупреждал, бесплатно в этом мире ничего не даётся, вам все равно придется платить. Единственное, нужно определиться, стоит ли ваша плата, того что вы получите взамен.

– А что я получу взамен?

Незнакомец хищно улыбнулся и начал меняться в чертах. Не прошло и половины минуты, как перед Юрой стоял огромный волкоподобный, ослепительно белый зверь, с огромной клыкастой пастью. И если бы не шрамы на морде и на горле, то Юра никогда бы не поверил, что незнакомец и этот зверь одно и то же существо.

– Человеческая речь чужда звериным связкам, – раздался прямо в голове голос, зверь же в это время зарычал, – я могу вас сделать таким же, и вы сможете отомстить тем, кто вам приносил беды.

Нет, парень не испугался. Его так много били и пугали в этой жизни, а тем более, он ещё несколько минут назад сам хотел покончить с этой жизнью, так что клыков оборотня он не боялся. Наоборот, он живо представил себе другую картину. Его бьют, он терпит, но как только эти уроды подходят к Люде, ещё живой и непорочной Люде, его Люде, он превращается в оборотня, и рвет всех их на мелкие куски с остервенением и упоением. Он бы всех их убил, а перед смертью откусил бы всем их причиндалы, дабы другим неповадно было совершать насилие над девушками. И эта картинка привела его в неистовый восторг.

– Да! Я согласен!

– Только учтите, оборотень не может без крови, и чтобы жить, вам придется убивать, а в теле зверя вы не сможете контролировать себя и сможете убить даже самых близких людей.

– У меня не осталось больше близких, я согласен!

Ветер качнул светильник, и он замерцал, обещая потухнуть в скором времени.

– И вы согласились? – спросил, приходя в себя от рассказа, журналист.

– Да.

– И не пожалели?

– Вам честно?

– Ну, хотелось бы.

– Пожалел и не раз, – признался оборотень.

– Почему? Вы же сказали, что родных не осталось.

– Я соврал, родители тогда были ещё живы. Я не знаю, я это или не я, после оборота в зверя я не соображаю ничего, работают только рефлексы, но отца в скором времени нашли растерзание в парке ночью. Может это и другой кто-то, но я винил и виню себя. Мать после этого долго не прожила. Не смогла так жить, ночью остановилось сердце. А дальше... Когда исчезали или погибали друзья или знакомые, я винил себя. А самое противное, что я так и не смог вычислить и покарать тех, ради кого я согласился на это. Мне, наверное, стоило тогда шагнуть с моста. Сейчас я уже не смогу.

– Хорошо, – кивнул Пиводелов, – я записал ваш рассказ, вы же не будете против, если я его опубликую, конечно же, изменив ваши фамилию и имя?

– Такого человека уже не существует, – пожал плечами Юрий, – его сбила машина, а квартиру он продал заблаговременно.

– Понятно, – кивнул Александр, – так проще, значит, будем публиковать прямо под реальным именем.

– Не получится, – вздохнул оборотень.

– Почему? – не понял журналист.

– Вы хотели встретиться и поговорить с перевертышем? Вас услышали и послали меня. Но поговорить и напечатать – разные вещи. Теперь вы знаете все, но напечатать не сможете.

– Отчего же? – стал пятиться, что-то начиная понимать

Пиводелов.

– Потому что послали меня, – ответил хриплым голосом из уже трансформирующихся связок Юрий, – ваше желание исполнено, но нельзя дать проникнуть одному миру в другой.

Фонарь не выдержал напряжения и погас, но в последних его лучах было видно, как на журналиста кинулась огромная клыкастая тварь с раззявленной пастью. А в раздавшемся вое проходящие мимо, если бы они были, смогли бы различить...

Амэн!